

[論文]

Именная объектная редупликация
в сербских народных говорах:
статус, условия реализации и балканский контекст¹

София Милорадович

1. Введение

В нашей работе речь пойдёт об одном из крупнейших балканизмов, отмеченных у склоняемых слов в сербских народных говорах, охваченных процессами балканизации (Ивић 1985²: 122; Miloradović 2004: 304–305). Под объектной редупликацией мы понимаем удвоение объекта, прямого и косвенного, путём использования энклитической формы личного местоимения в функции прономинальной реплики местоименной или именной лексемы (/словосочетания).

В области сербского диалектного синтаксиса не существует ни одного синтаксического исследования, которое бы занималось анализом так наз. редупликации объекта, соответственно, не изучен статус данного явления ни в одной из наших диалектных зон, а также те условия, при которых происходит «копирование объекта». Данное явление, или характеристику, принадлежащую широкой палитре инноваций, отражающих аналитический способ выражения, следует рассмотреть на фоне сербских народных говоров, принимая во внимание то, что «данные ареальной лингвистики позволяют говорить о балканском языковом пространстве в целом как о непрерывном *континууме* балканских диалектов, в котором исторически отсутствовали барьеры для заимствования и распространения структурных инноваций, формальных и семантических элементов от одного языка к другому» (Соболев 2003: 20). Таким образом, следует рассмотреть анализируемое явление на фоне конвергентных процессов, наблюдаемых в рамках балканского языкового союза. В этом плане важно отметить, что П. Ивич говорил о значительной части сербского языкового пространства как о своего рода «пространственном преддверии» балканского языкового союза, о распространении балканизмов в сербских говорах, которое можно описать как «Drang nach Westen», и, соответственно, о необходимости обратить особое внимание именно на так наз. «преддверие» и на пограничные области в будущих лингвогеографических исследованиях балканского языкового союза (Ивић 2002: 7–12).

Считается, что сербский язык в целом относится к периферии балканского

языкового союза, тогда как сербские юго-восточные говоры принадлежат к категории «балканских языков первого ранга» по Гельмуту Шаллеру (Schaller 1975). Поэтому тенденция к аналитическому способу выражения в сербских народных говорах отражена в широком диапазоне явлений. Мы представим здесь наблюдения общего (приблизительного) характера. Они основаны на материале примерно тридцати монографий, а также исследований меньшего объёма, преимущественно посвящённых призренско-тимокской диалектной области (ПТ) и косовско-ресавскому диалекту (КР), представляющему собой западную границу данной области. При этом следует отметить, что дифференцированность в представлении синтаксических черт несёт некоторый риск, поскольку отсутствие какой-либо конструкции в соответствующем разделе публикации не подразумевает и её отсутствие в данном говоре. В этот раз мы не рассматриваем: i) примеры редупликации логического субъекта в дательном падеже (*мене ми је име* ‘моё имя...’); ii) примеры дательного притяжательного, в которых посессор удваивается (*тема децама мати ги рано умре* ‘у тех детей мать рано умерла’); iii) плеонастические употребления винительных форм личных местоимений (*камо га Миломир* ‘где Миломир’) — все они также встречаются в сербских ПТ и КР народных говорах.

2. Статус явления

Объектная редупликация в ПТ говорах, безусловно, может трактоваться как одно из проявлений балканского языкового симбиоза. Однако в говорах данного диалектного комплекса она ни в коем случае не является обязательной. Рассматриваемое явление здесь не слишком частотно, хотя оно отмечается во всех ПТ говорах. «Данные сочетания употребляются всюду, где, согласно литературному языку, следовало бы ожидать полную форму, за исключением сочетаний с предлогами, где остается неуввоенная полная форма: *за мене, със њега*» (Ивић 1985²: 113)². Живое употребление удвоенного объекта отмечено в старопланинском и пиротском краях (ГЛ говоры), в прешевской области и в говоре г. Призрена, что вполне ожидаемо вследствие соседства языков-членов балканского языкового союза (как славянского, так и неславянского происхождения) и/или же вследствие сосуществования с носителями данных языков.

(1) Дат.п.:

дали му

њему

дали еमु.дат.Зл.м.р.кр.ф. ему.дат.Зл.м.р.полн.ф.

‘дали ему’

Тенденция к удвоению объекта отмечена и в шумадийско-воеводинских говорах Срема, причём в новое время, при этом указывается, что речь идёт об эмфатическом употреблении удвоения (Бошняковић 2000: 67–71).⁶ Здесь местоименный объект удваивается гораздо чаще, чем именной (если исключить примеры, где мы имеем дело с «переформулированием выражения или результатом актуальной перспективы предложения» после паузы) (Там же, 68); удваиваются и косвенный, и прямой объекты (свободные Дат.п. и Вин.п.); значительно чаще используются формы единственного числа по сравнению с множественным; отмечена только модель *местоименная энклитика + самоударное местоимение / существительное*, причём и контактный, и дистантный варианты модели, при этом во втором случае возможна интерполяция полнозначного или вспомогательного глагола, союза *и*, существительного / местоимения в функции субъекта.

- (7) *ево ти тебеи стан*
 вот тебе.дат.ед.2л.кр.ф. тебе.дат.ед.2л.полн.ф. квартира
 ‘вот тебе квартира’

Срем: Дат.п.: *ти си ми дао мени, ево ти тебеи стан.*

Вин.п.: *није те валда и тебе звала, кажи му да га не бије њега.*

Данное явление встречается и в говоре сербов в юго-восточном Банате: *мене ми јако смешно* ‘мне очень смешно’, *оћеш мене да ме манеш* ‘оставь меня в покое’ (Ивић 1990: 196); кроме того, имеется достаточно примеров удвоения объекта и на румынской стороне—например, в говоре Банатской Черной Горы: *она мене јако ме воли* ‘она меня очень любит’, *његовоме бабе смо му давали руво* ‘его отцу мы давали одежду’ (Симић 2013: 432), а также в сербских говорах, расположенных в ущельях (говоры в Банатской / в Дунавском ущелье, на территории Румынии): *мене ме сниммо* ‘записал меня’, *и га претуриши њега* ‘и ты его перевернешь’ (Милорадовић 2007: 578)—всюду это факультативное явление. Сюда можно включить и примеры, отмеченные в шумадийско-воеводинском говоре городка Батаня на венгерской территории, где сербы веками проживают вместе с венгерским и румынским населением: *мене ме нервира, ти ћеш ме видити мене, казала сам ти ја тебеи, да га видим њега* (Rakić 1997: 97), а также примеры из деревни Белобрешка в ущелье в Румынии, с преимущественно сербским населением, говор которого относится к диалектному КР комплексу: *мене ме сниммо*,

*taj me sачуво мене, да те видим тебе, и га претуриш њега.*⁷ Это сербские говоры на языковой периферии, в областях активных многовековых славянско-неславянских этноязыковых контактов, что можно сказать и о говорах северной Метохии (откуда взяты примеры, приводящиеся с обозначением КР), где всё же речь идёт об активном воздействии албанского языка. В связи с этим важно процитировать следующее заключение П. Ивича: «Диалектная основа сербских говоров в Банате весьма отличается от призренско-тимокской. Если там находятся те же „балканские“ инновации, как в восточной и южной Сербии, это показывает, что данные балканизмы не представляют собой определённые имманентные свойства призренско-тимокской диалектной базы, а указывает на развитие, свойственное двуязычной среде» (Ивић 1990: 190). К данной языковой черте говоров Баната в новое время обратился и М. Номати, говоря о языковых контактах, а также обусловленных ими структурных переменах в славянских языках в этой области, и ставя интригующий и вдохновляющий вопрос в виде одного из подназваний: *Is the Banat a Sprachbund?* (Nomachi 2015: 554, 558).

Верно, что в сербских народных говорах удвоение местоименного объекта является более распространённым, однако нельзя сказать, что «говоры, в которых встречается эта черта, в основном отличает только удвоение *местоименных*, а не и *именных* объектов, как в тех языках, из которых данное явление заимствовано» (Mønnesland 1977: 103). Примеры с так наз. копированием именного объекта можно услышать на территории многих сербских диалектов, даже в новоштокавских говорах Срема.

(8) Дат.п.:

рекла сам ги тема женама да доџ'еф
я сказала им.дат.мн.Зл.кр.ф. тем женщинам.дат.мн. прийти
'я сказала тем женщинам прийти'

Дат.п.: *рекла сам ги тема женама да доџ'еф* (Приз), *да му каж'ем Диме* (Ђак), *фала гу државе* (Ђак); *дадо им працима* (ПП), *што им главу намешћа људима* (ПП).

(9) Вин.п. / ОП:

после ју уведу у собу невесту
потом её.вин./ОП.ед.Зл.кр.ф. ввели в комнату невесту.вин./ОП.ед.
'потом ввели в комнату невесту'

Вин.п. / ОП: *после ју уведу у собу невесту* (Пониш), *моју пензију други гу изеја* (Приз), *он више ракију не гу тура у уста* (Приз), *да ти га припази дете* (Преш), *чеишу гу после правише* (Преш); *ја га пуштим попа* (Коп); *како може своје чедо да га баци у бунар* (Смед. Под); *питај га Карла* (Срем), *наговара је Бобу да иде у цркву* (Срем).

3. Условија реализацији

На основании анализа опубликованного материала мы попытаемся сделать некоторые выводы по ПТ и КР говорам (число монографий, в которых представлены вторые говоры, в два раза меньше), в рамках четырёх категорий, которые мы определили как важные в плане редупликации объекта и которые одновременно могут послужить для проведения параллелей с положением в соседних языках-членах балканского языкового союза: (i) часть речи, (ii) падеж, (iii) грамматическое число, (iv) порядок употребления и контактность / дистантность рассматриваемых форм.⁸

(i) Отмечается регулярное удвоение самоударной (полной) и энклитической (краткой) форм личных местоимений, тогда как примеры с существительным как объектом встречаются значительно реже—в КР говорах они отмечены скорее как исключение. Примеры удвоения объекта, и прямого, и косвенного, у неличных местоимений особо выделены только в работе о говоре Прешево: *овој не га узимам, враћав ги овоја, тија не ги знам, онолику гу је дигнала* (Трајковић 2016: 539); *да му кажеш на тога, да ву дам на онуј* (Там же, 543).

«Существенным условием для удвоения объекта во всех балканских языках является то, что объект, т.е. существительное, определяется при помощи некоторого указания (указательное местоимение в препозиции или постпозиции, имя собственное)» (Младеновић 2001: 488), однако это условие не действует в сербских народных говорах, которым знакомо удвоение объекта и без наличия определения существительных.⁹ Тем не менее, в некоторых говорах отмечены примеры с указательным и притяжательным местоимениями в препозиции, однако это не носит обязательный характер: *и убијев га тога дечка, тој снашче не га познавам, како су га викали тој насеље* (Трајковић 2016: 539); *тема децама мати ги рано умре, нашејзи којшике гу се нашло женско* (Реметић 1996: 486).

(ii) Удвоенные формы отмечены и в беспредложном дательном падеже, и в беспредложном винительном (или в общем падеже, который по форме совпадает с

винительным), при этом в городе Прешево регулярно встречаются аналитические *НА*-конструкции для косвенного объекта, а в нас.п. Понишавле и Пчиня они употребляются как параллельные формы. В ПТ областях с живым употреблением объектной редупликации на основании анализа указанных полевых материалов можно сказать, что число примеров с дательным падежом и общим падежом в роли винительного более-менее одинаковое. На основании рассмотренного материала из ПТ и КР говорам нельзя утверждать, что условия, при которых удваивается косвенный объект, отличаются от условий удвоения прямого объекта.

Отметим, что есть примеры и с родительным падежом, однако речь здесь идёт о контаминации (краткая форма дательного и полная родительного), которая, возможно, обусловлена поливалентностью некоторых глагольных лексем, как, например, *колико да ми од мене не тражи* ('сколько от меня не просит') (Бак).

(iii) Формы единственного числа местоимений употребляются регулярно, тогда как формы множественного числа отмечены не всюду—тем более не в КР говорах, а и там, где они встречаются, эти примеры малочисленны. Важно отметить, что наибольшее число примеров—с формами 1-го и 2-го лица единственного числа личных местоимений. Одну из причин малочисленности форм множественного числа личных местоимений в плане редупликации объекта можно искать в способе собирания полевых материалов: чаще всего здесь присутствуют два человека, исследователь и информатор, и произносится монологическая речь информатора.

(iv) Модель *местоименная энклитика + самоударное местоимение / существительное* отмечена во всех рассмотренных говорах, тогда как модель с обратным порядком—во всех ПТ и только в отдельных КР говорах.¹⁰

Модель «местоименная энклитика + самоударное местоимение / существительное»

а) контактная позиция

(10) *ja te теб најволим*
 я тебя.вин./ОП.ед.2л.кр.ф. тебя.вин./ОП.ед.2л.полн.ф. больше всего люблю
 'я тебя больше всего люблю'

Дат.п.: *да му њему дадемо* (Луж), *ја ти тебе дел дадем* (ЦТВ); *дај ни нама домаћицу* (Коп), *те ми мене каза* (сев. Метох).

Вин.п. / ОП.: *де га њега стиже* (АП), *ја сам ју њу извела на пут* (ББП), *ја те теб*

најволим (Пониш), *ја ве вас не познавам* (Лес), *да га њега там тури* (Преш); *он ме мене познаје* (сев. Метох).

б) дистантна позиција

(11) *он ми вел'и мене*

он мне.дат.ед.1л.кр.ф. говори́т мне.дат.ед.1л.полн.ф.

‘он мне говори́т’

Дат.п.: *да ти ја теб кажем* (Зап), *не ми дава мене* (Угљ), *па му се њему врну* (Лес); *он ми вел'и мене* (сев. Метох).

Вин.п. / ОП: *осићам га ја њега у говор* (АП), *него ме задржава мене* (Зап), *баба ће га дарује њега* (Пч), *да гу види сестру* (Преш); *опште ме није мене пито* (Коп), *мајка ме родила мене* (сев. Метох).

Модель «самоударное местоимение / существительное + местоименная энклитика»

а) контактна позиција

(12) *и мене ми донесу вечеру*

и мне.дат.ед.1л.полн.ф. мне.дат.ед.1л.кр.ф. принесут ужин

‘и мне принесут ужин’

Дат.п.: *и мене ми донесу вечеру* (Пониш), *тебе ти вревим* (ББП), *нам ни дава* (Лес), *мене ми збори* (Приз).

Вин.п. / ОП: *тебе те питујем* (ББП), *теб те никој не види* (Пониш), *мен ме закачи онај* (Зап), *мене ме питујете* (ЦТВ), *тебе те траже* (ЦТВ), *мене ме вика* (Лес), *њега га дигоше от место* (Приз); *тебе те звао* (сев. Метох).

б) дистантна позиција

(13) *а мене моја мајка ми рекла*

а мне.дат.ед.1л.полн.ф. моя мать мне.дат.ед.1л.кр.ф. сказала

‘а мне моя мать сказала’

Дат.п.: *а мене моја мајка ми рекла* (Приз), *тебе ли ти се жали* (Преш).

Вин.п. / ОП.: *мене мати истена ме* (Пониш), *ти мене ће ме тепаш* (Пч), *ја вас не ве познавам* (Преш), *одма мене да ме запои* (Ђак), *мене да ме не узимаи за тој* (Приз); *мене да ме пита* (сев. Метох).

Чаще наблюдаются модели, в которых краткая и полная формы местоимений (/существительное) находятся в контактной позиции.¹¹ В рамках первой модели в рассматриваемом материале часто встречается интерполированная глагольная лексема, но к дистантной позиции приводит и интерполяция личного местоимения (чаще всего 1-го или 2-го лица ед.ч.), возвратного *се*, союза *и*¹² и т.д. С другой стороны, гораздо меньше примеров дистантной модели, в которых самоударное местоимение / существительное стоит перед местоименной энклитикой; даже в половине исследований ПТ говором эта модель не представлена; как правило, её нет и в КР материале. И здесь чаще всего интерполируется полнозначный глагол, однако весьма часто встречаются и энклитические формы глаголов *јесам* и *хтеи*, союз *да*, отрицательное *не*, частица *ли* и даже существительное или местоимение (/словосочетание) в функции подлежащего.

4. Балканский контекст

Коррелируют ли условия удвоения объекта в сербских ПТ и КР говорах с условиями в балканских языках, что является обязательным, а что—факультативным, существует ли параллелизм в распределении, т.е. порядке следования ключевых элементов в модели удвоения?

Упомянутое явление в значительной степени по-разному функционирует в языках-членах балканского союза, поэтому «хотя оно давно считается их существенным отличием, неодинаково представлено во всех языках».¹³ Так, «оно последовательно употребляется вдоль линии, идущей от румынского языка через сербские и болгарские шопские говоры, в арумынском, македонском и албанском языках» (Станишић 1985–1986: 258–259). В болгарском и греческом литературных языках удвоение объекта носит в известной степени факультативный характер, оно не типично и для восточных болгарских говоров; ситуация в румынском языке гораздо более благоприятна для данного балканизма, тогда как в македонском и албанском языках «удвоение объекта является существенным отличием синтаксической системы (...)» (Станишић 1985–1986: 259; см. также Friedman 2008: 135–141). В сербском языке удвоение объекта имеет характер исключительно диалектного явления, а в сербских народных говорах оно считается периферийной характеристикой.

Подобно тому, как в отдельных областях мы отмечаем «только частичную реализацию определённого явления из числа балканизмов» (Ивић 1990: 198), так и здесь мы замечаем отступления от положения в соседних языках, принадлежащих балканскому языковому союзу. Эти отступления представляют собой результат «отклонения» от центра (/центров) инноваций и логичное следствие «размытости» морфосинтаксических характеристик, имманентных в языках-членах балканского языкового союза, при этом следует учесть, что наши выводы сформулированы на базе материала, относящегося не только к высокобалканизированным ПТ говорам, но и соседним с ними КР.

5. Заключение

Установление статуса рассматриваемого явления в сербских народных говорах дает возможность сформулировать новые вопросы. Можно ли, например, говорить о том, что синтаксическую функцию падежных окончаний может взять на себя и удвоенный объект в форме личного местоимения (Neweklowski 2000: 380)?¹⁵ Можно поразмыслить над этим применительно к ПТ говорам, однако редупликация объекта встречается и в говорах, в которых не наблюдается редукции склонения. Поэтому следует учесть и предположение, что «наличие правила о копировании объекта *облегчает* переход к аналитизму, а не копирование развивается вследствие аналитизма» (Mønnesland 1977: 108). Можно согласиться и с некоторыми утверждениями, которые касаются причин возникновения данного явления и которые не обязательно являются взаимоисключающими. «Удвоение местоименного объекта представляет собой одну из типичных форм, способствующих облегчению коммуникации в языках на юго-востоке Балкан. Хотя появление данного феномена во всех романских языках не имело подобных причин и путей развития (местоименный повтор является общероманской характеристикой), в балканских языках и диалектах это его существенное определение» (Станишић 1985–1986: 258), что подразумевает особый способ подчёркивания, выделения и т.п. Далее, данное явление, «служит компенсацией распада склонения»: поскольку личные местоимения в известной степени сохранили некоторые падежные формы, они «естественным образом становятся одним из возможных компенсационных средств, параллельно с предлогами, порядком слов и др., служащих для возврата равновесия синтаксической системы» (Асенова 1980: 221). Подобным образом размышляет и Л. Лашкова: о том, что местоименный повтор «обусловлен необходимостью выстраивания унифицированной маркированности синтаксического объекта, что, несомненно, является результатом влияния балканской языковой среды», поскольку вследствие распада синтетической системы склонения и перехода к

аналитическому типу склонения «старые морфологические маркеры» больше не были функциональными (Лашкова 1993: 39). Наконец, морфологически нетождественные энклитические формы «дифференцируют омонимические самоударные формы», так что «энклитика перенимает, условно говоря, функцию предлога» (Младеновић 2001: 488).

Использование объектной редупликации в сербских народных говорах не обусловлено исключительно потребностью в экспрессивности, хотя она и присутствует в многочисленных примерах. Здесь также речь не идёт о плеонастическом явлении и о редундантности; мы считаем, что местоименная клитика является морфосинтаксическим средством, которое используется как своеобразный сигнал, экспликатор направленности на объект (на уровне высказывания). По-видимому, энклитическая форма служит маркером, который «наполняется» грамматическим значением в той же степени, насколько «лишается» своего лексического значения, что также можно толковать как своеобразный знак анализации как процесса, однако обоснование подобного мнения будет дано в другой работе. С другой стороны, полной местоименной (/именной) формой в роли объекта эксплицируется именно фокус объектного словосочетания, т.е. то, на что местоименной клитикой направляется наше внимание.¹⁶

На основании всего вышесказанного нельзя, таким образом, сказать, что редупликация объекта отмечается только на ограниченной территории, в юго-восточных сербских областях, хотя они, безусловно, были центрами, из которых данный инновационный балканско-аналитический процесс начал расширяться и на другие области. По комментариям диалектологов (напр. Богдановић, Марковић, Ђирић), в призренско-тимокской зоне сегодня данное явление не является столь распространённым, как во времена, когда Александр Белич писал о говорах юго-восточной Сербии (Белић 1905), вероятно, прежде всего вследствие активного влияния литературного языка через СМИ на протяжении многих десятилетий, однако этот «недостаток» в некоторой степени компенсируется путём проникновения данного явления в другие сербские говоры, при этом относительно свежие следы процесса отмечены даже на территории структурно более консервативных сербских диалектов. Таким образом, это ещё одно в целом ряду подтверждений силы экспансии балканистических волн—независимо от того, приносят ли они данную структурную инновацию из балканских славянских или балканских неславянских языков.

Сокращённые обозначения населённых пунктов / областей

АП	Алексиначко Поморавље	Пож	Пожежено (Велико Градиште)
ББП	Бучум и Бели Поток	Пониш	Понишавље
Вел. Поп	Велики Поповић (Деспотовац)	ПП	Параћинско Поморавље
Ђак	Ђаковица (Косово и Метохија)	Преш	Прешево
Зап	Заплање	Приз	Призрен (Косово и Метохија)
Коп	Копаноник	Пч	Пчиња
Лев	Левачев.	сев. Метох	северна Метохија
Лес	Лесковац	Смед. Под	Смедеревско Подунавље
Луж	Лужница	Срем	Срем (Војводина)
Лук	Луково (Топлица)	Угљ	Угљаре (Косово Поље, Косово и Метохија)
Мр	Мрче (Куршумлија)	ЦТВ	Црна Трава и Власина

Нога

- ¹ Данная работа является расширенной версией доклада, сделанного на конференции, которая проводилась 29 марта 2018 года в Токийском государственном университете (Япония) в рамках ежегодного заседания Японского общества изучения славянских языков и литератур. Приезд и пребывание на конференции финансировались средствами гранта № 16K13217 под названием: Japan Society of Promotion of Sciences, который реализуется под руководством проф. д-р Мотоки Номати в Университете Хоккайдо в г. Саппоро (Япония). Данный текст представляет собой результат работы в рамках проекта 178020: *Диалектологические исследования сербской языковой территории*, который полностью финансируется Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия.
- ² Во всех ПТ говорах существует две падежные формы—номинатив и так наз. общий падеж (Causus generalis). Общий падеж (ОП), который по форме представляет собой старый акузатив (А), выполняет функцию всех зависимых падежей (и в беспредложных, и в предложных конструкциях). При этом на данной территории часто сохраняются и особые формы датива у одушевлённых существительных и всех личных местоимений. Важно также отметить и то, что в процессе балканизации данных говоров «не участвует оппозиция между ном. ед.ч. на -а и акузативом ед.ч. (общим падежом) на -у у существительных второго склонения», которая занимает значительное место в их падежной системе, «в отличие от положения в последовательно балканизированных славянских говорах (где существует Causus universalis; примеч.—С. М.), где эта оппозиция, если существует, имеет только маргинальное место» (Ивић 2009: 153).
- ³ Для обозначения отдельных звуков в ПТ и КР говорах употребляются следующие символы:

символы «'» и «'» служат для обозначения смягчения отдельных согласных; приподнятым сонорным j (*напр. њојзе*) обозначается его более слабая позиция с артикуляционной точки зрения; символ ь (в духе письменности средневековой Сербии) указывает на звук, являющийся рефлексом редуцированных во всех позициях (когда же речь идет о ПТ говорах, там в данных позициях чаще всего фиксируется звук, близкий к гласному а, но можно услышать и звук, близкий к гласному е.

- ⁴ Несколько самых важных комментариев к парадигме личных местоимений в ПТ говорах: в дательном и винительном падежах у личных местоимений есть и редуцированные формы *мен, теб*; в дат.п. мн.ч. 1 и 2 л. существуют энклитические формы *ни* и *ви*, а в винит.п. существуют формы *не* и *ве*; в винит.п. у энклитики *и(х)* есть расширенная форма *ги*, которая в данных говорах употребляется и в значении дат.п. мн.ч.; в большей части ПТ говоров в винит. п. энклитики женского рода, рядом с формой (*ји*) и *ву*, есть *е (-зу)*, причем все эти формы на большей части территории ПТ употребляются и в значении дат.п. ед.ч. (ср. Ивић 1985²: 114–115).
- ⁵ Наряду с большим числом примеров, взятых из диалектологических исследований и работ небольшого объёма, приводятся и те примеры, которые мы лично записали во многих населённых пунктах на территории КР, в обл. Парачинско Поморавле и в смедеревско-вршацком говоре Пожежена (возле г. Велико Градиште), или же получили их от коллеги д-р Марины Спасоевич (Велики Попович возле г. Деспотовац) и коллеги проф. д-р Жарко Бошняковича (Смедеревско Подунавле), за что их сердечно благодарим.
- ⁶ Когда речь идёт об эмфатическом удвоении объекта, как представляется, не все указанные примеры из сремских говоров можно отнести к данному типу, подобно тому, как некоторые примеры удвоения объекта, а также логического субъекта в дательном падеже или дательного притяжательного с удвоением посессора, приводящиеся в диалектологических исследованиях и работах, связанных с ПТ и КР говорами, могут быть маркированы как эмфатические, однако с большей точностью это можно установить только для каждого примера отдельно на основании широкого контекста (который мы часто не имеем в письменном виде и который существует только в аудиозаписях). Именно с этим связаны примеры удвоения в целях «усиления» частей предложения, преимущественно характеризующиеся как плеонастическое употребление местоимений, записанные и в призренско-тимокских, и в косовско-ресавских говорах.
- ⁷ Эти примеры содержатся в полевых материалах для «Сербского диалектологического атласа», собранных в сентябре 2007 года.
- ⁸ Безусловно, следовало бы проанализировать и другие условия реализации рассматриваемого явления, что может составить тему будущей работы, однако необходимой предпосылкой для изучения этих условий являются детальные описания в области диалектного синтаксиса сербских народных говоров, ибо все заключения, сделанные без объёмных исследований, были бы со знаком вопроса.

- ⁹ Конечно, в ПТ говорах, в которых отмечено постпозиционное употребление указательных местоимений, что всё же редкое явление, могут встречаться и примеры данного типа: видо га курјакатога (Пониш).
- ¹⁰ В ПТ говоре Бучума и Бели-Потока все примеры с дат. падежом по образцу полная + энклитическая форма, тогда как в примерах с ОП / А не так, причём автор указывает, что эти примеры «произносились с некоторой интонацией выделения, подтверждения, более заметного подчеркивания, что то, что выделяется, касается именно человека, обозначенного удвоенным местоимением» (Богдановић 1979: 128).
- ¹¹ В говоре Вране С. Джелич отмечает следующее: «Когда личные местоимения находятся непосредственно одно рядом с другим, чаще всего на первом месте находится безударная форма: Вика ли гу њума на гости? *Па га њега узеше*» (Белић 2000: 76).
- ¹² Мы также встречаем хорошее наблюдение о говоре Вране в работе С. Джелич: «Когда говорящий хочет особо подчеркнуть то, что означает личное местоимение, эти две формы разделены (или связаны) одним союзом. В этом случае за безударной формой следует ударная: Виде ли ги *и њи* на сокак?» (Белић 2000: 77).
- ¹³ Ср. в связи с этим мнение Л. Лашковой: « (...) Я считаю, что, как относительно болгарского языка, так и относительно всего Балканского языкового союза, редупликацию дополнения надо рассматривать как балканизм, унификации которого способствовали неславянские балканские языки» (Лашкова 1993: 39–40).
- ¹⁴ Впечатление, что доминирует редупликация объекта в дательном падеже по сравнению с объектом в винительном падеже, могло создаться на основании примеров, указанных в диалектологических работах, при этом упускалось из вида, что в одном месте находились многочисленные примеры, касающиеся и редупликации логического субъекта в дательном падеже, и дательного притяжательного с удвоением посессора. Следует также повторить, что для полностью обоснованных выводов необходимы целенаправленные исследования на материале диалектологического синтаксиса.
- ¹⁵ «Удвоение безпредложных падежных форм представляет собой свойство, исходящее из тенденции к оформлению аналитизма и в формах, не охваченных данным процессом» (Младеновић 2001: 488).
- ¹⁶ Более обширные исследования данного явления в рамках диалектного синтаксиса сербских говоров могли бы дать и ответы на вопросы о важных нюансах в определении связи между предикатом и его объектом путём редупликации, как это в общих чертах о говоре Вране сформулировала С. Джелич, отметив, что позиция удвоенного прямого объекта перед глаголом указывает на то, что акцент в предложении именно на объекте, тогда как акцентирование процесса совершения глагольного действия происходит, когда объект стоит в постпозиции в отношении глагольного слова (Белић 2000: 78–79).

Источници

- АП: Богдановић, Недељко. 1987. Говор Алексиначког Поморавља. *СДЗб XXXIII*: 7–302.
- ББП: Богдановић, Недељко. 1979. Говори Бучума и Белог Потока. *СДЗб XXV*: 1–178.
- Ђак: Стевановић, Михаило. 1950. Ђаковачки говор. *СДЗб XI*: 2–151.
- Зап: Марковић, Јордана. 2000. Говор Запања. *СДЗб XLVII*: 7–307.
- Коп: Радић, Првослав. 2010. *Копанички говор. Етногеографски и културолошки приступ*. Посебна издања, књига 70. Београд: Српска академија наука и уметности, Етнографски институт САНУ.
- Лев: Симић, Радоје. 1980. Синтакса левачког говора I. *СДЗб XXVI*: 1–146.
- Лес: Михајловић, Јован. 1977. *Лесковачки говор*. Лесковац: Библиотека Народног музеја у Лесковцу (Књига 24).
- Луж: Ћирић, Љубисав. 1983. Говор Лужнице. *СДЗб XXIX*: 7–119.
- Лук: Грковић, Милица. 1968. Неке особине говора села Лукова. *Прилози проучавању језика* 4: 121–131.
- Мр: Радић, Првослав. 1990. Цртице о говору села Мрче у куршумлијском крају. *СДЗб XXXVI*: 1–74.
- Пониш: Ћирић, Љубисав. 1999. Говори Понишавља. *СДЗб XLVI*: 7–262.
- ПП: Милорадовић, Софија. 2003. *Употреба надежних облика у говору Параћинског Поморавља. Балканистички и етномиграциони аспект*. Посебна издања, књига 50. Београд: Етнографски институт САНУ.
- Преш: Трајковић, Татјана. 2016. Говор Прешева. *СДЗб LXIII*: 284–577.
- Приз: Реметић, Слободан. 1996. Српски призренски говор I (гласови и облици). *СДЗб XLII*: 319–614.
- Пч: Јуришић, Марина. 2009. *Говор Горње Пчиње. Гласови и облици*. Монографије 6. Београд: Институт за српски језик САНУ.
- сев. Метох: Букумирић, Милета. 2003. Говори северне Метохије. *СДЗб L*: 1–356.
- Срем: Бошњакковић, Жарко. 2000. О понављању реченичних конституената. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XLIII*: 65–72.
- Угљ: Јашовић, Голуб. 2014. *О говору и именима Угљара код Приштине*. Косовска Митровица: Филозофски факултет.
- ЦТВ: Вукадиновић, Вилотије. 1996. Говор Црне Траве и Власине. *СДЗб XLII*: 1–317.
- Скраћеница: СДЗб = Српски дијалектолошки зборник

Литература

- Асенова, Петя. 1980. Към характеристиката на балканския езиков съюз (фонемна, морфемна и именна система). *Годишник на Софийския университет „Климент Охридски“*, Том 74, 1: 177–267.
- Белић, Александар. 1905. Дијалекти источне и јужне Србије. *Српски дијалектолошки зборник I: VII–CXII*: 1–674.
- Богдановић, Недељко. 1979. Говори Бучума и Белог Потока. *Српски дијалектолошки зборник XXV*: 1–178.
- Бошњаковић, Жарко. 2000. О понављању реченичних конституената. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XLIII*: 65–72.
- Ђелић, Селена. 2000. Удвајање директног објекта у врањском говору и француском језику. *Зборник Филолошког факултета у Приштини*, књ. 10: 75–81.
- Ивић, Павле. 1985². *Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје*. Нови Сад: Матица српска.
- Ивић, Павле. 1990. *О језику некадашњем и садашњем*. Београд/Приштина: БИГЗ/Јединство.
- Ивић, Павле. 2002. Балкански језички савез и лингвистичка географија. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XLV/1-2*: 7–12.
- Ивић, Павле. 2009. *Српски дијалекти и њихова класификација*. Приредио Слободан Реметић. Сремски Карловци/Нови Сад: Издавачка књижевница Зорана Стојановића.
- Илиевски, Петар Хр. и Коста Пеев. 1983. Необична иновација во Долновардарските говори. *Македонски јазик 34*: 105–113.
- Лашкова, Лили. 1993. За балканизацијата на сърбохрватски и български език. *Јужнословенски филолог XLIX*: 29–56.
- Милорадовић, Софија. 2007. Дијахрони и синхрони аспект аналитичких појава у српским народним говорима. *Зборник Матице српске за славистику 71–72*: 357–375.
- Младеновић, Радивоје. 2001. Говор шарпланинске жупе Гора. *Српски дијалектолошки зборник XLVIII*: 1–606.
- Панчевска, Ангелина. 2005. *Централните заменски системи во македонскиот јазик со осврт кон состојбите во албанскиот јазик*. Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Филолошки факултет „Блаже Конески“, (докторска дисертација у рукопису).
- Реметић, Слободан. 1996. Српски призренски говор I (гласови и облици). *Српски*

- дијалектолошки зборник XLII: 319–614.
- Симић, Зоран. 2013. Прилог проучавању међујезичке интерференције (на примеру говора Банатске Црне Горе). *Јужнословенски филолог* LXIX: 429–441.
- Соболев, Андрей Н. 2003. Южнославянские языки в балканском ареале. *XIII международный съезд славистов (Любляна, август 2003)*. Marburg an der Lahn, 1–20.
- Станишић, Вања. 1985–1986. Балканизми у српскохрватском језику. *Balkanica* XVI–XVII: 245–265.
- Трајковић, Татјана. 2016. Говор Прешева. *Српски дијалектолошки зборник* LXIII: 284–577.
- Friedman, Victor A. 2008. Balkan Slavic Dialectology and Balkan Linguistics: Periphery as Center. Christina Y. Bethin (ed.) *American Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008. Vol. 1: Linguistics*. 131–148. Indiana: Slavica.
- Miloradović, Sofija. 2004. Analytismus in serbischen Dialekten. Uwe Hinrichs und Uwe Buettner (Hrsg.) *Die europäischen Sprachen auf dem Wege zum analytischen Sprachtyp. Eurolinguistische Arbeiten* 1. 303–317. Wiesbaden: Institut für Slavistik an der Universität Leipzig.
- Mønnesland, Svein. 1977. Удајање личних заменица у српскохрватском језику. *Научни састанак слависта у Вукове дане*, број 6, св. 1: 101–110.
- Neweklowski, Gerhard. 2000. О језићким контактима у југоистојној Европи. *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику* XLIII: 379–384.
- Nomachi, Motoki. 2015. Language contact and structural changes in Serbian and other Slavic languages in the Banat region. Људмила Поповић, Дојчил Војводић, Мотоки Номаћи (ред.) *У простору лингвистичке славистике. Зборник научних радова поводом 65 година живота академика Предрага Пупера*, 549–564. Београд: Универзитет у Београду, Филолошки факултет.
- Rakić, Sofija. 1997. Izveštaj o dijalektološkom istraživanju govora Batanje. *Studia Slavica Hungarica* 42: 89–98.
- Schaller, Helmut W. 1975. *Die Balkansprachen. Eine Einführung in die Balkanphilologie*. Heidelberg.

**Именска објекатска редупликација
в српским народним говорима:
статус, услови реализације и балкански контекст**

Софија Милорадовић

У раду се говори о редупликацији директног и индиректног објекта коришћењем енклитичког облика личне заменице у функцији прономиналне реплике заменичке или именичке лексеме, дакле—о балканизму иманентном српским призренско-тимочким говорима, али присутном и у другим српским народним говорима који нису структурално иновативни. Присуство ове појаве у српским говорима који нису високобалканизовани сматрамо још једном од потврда велике експанзионе снаге балканистичких таласа. Покушаћемо да на основу прегледане публиковане и личне теренске грађе изведемо неке закључке везане за призренско-тимочке и косовско-ресавске говоре, а у оквиру четири категорије које смо дефинисали као значајне на плану редупликације објекта, и које нам истовремено могу послужити за повлачење паралела са стањем у суседним језицима—припадницима балканског језичког савеза: (1) врста речи, (2) падеж, (3) граматички број, (4) редослед употребе и контактност / дистантност посматраних форми.